

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.36.18.009

Средства распространения арбитражного соглашения на третьих лиц: краткий обзор и перспективы применения

Крыкова Диана Дмитриевна

Студент,

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации,

119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;

e-mail: dianakrykova@gmail.com

Аннотация

Таким образом и возникают случаи в практике, когда лицо оказывается связано арбитражным соглашением несмотря на формальное отсутствие его подписи, в результате чего становится возможным привлечение его в качестве участника арбитражного разбирательства. С целью облегчения привлечения третьих лиц в процесс арбитражного разбирательства, в правовой доктрине, судебной и арбитражной практике был разработан целый инструментарий различных средств, при помощи которых возможно распространить арбитражное соглашение на тех, кто его не подписывал. Чтобы не потеряться во всем многообразии способов привлечения третьих лиц к арбитражному соглашению, есть смысл произвести попытку их классификации. Наиболее логичным видится деление на две условные группы. В противоположность традиционным средствам выделяются специальные механизмы, разработанные судебно-арбитражной практикой и доктриной. К ним относятся эстоппель, доктрина снятия корпоративной вуали и доктрина группы компаний. Их применение обусловлено восстановлением прав пострадавшей стороны в целях справедливости, для чего арбитры прибегают к привлечению третьих лиц в арбитраж вопреки их согласию. В этом и состоит их основное отличие от классических доктрин, которые направлены на поиск согласия стороны. В случае же с нетрадиционными средствами расширения арбитражной оговорки на третьих лиц допустимым считается игнорирование волеизъявления стороны. Далее более подробно остановимся на общей их характеристике, специфике и перспективах применения.

Для цитирования в научных исследованиях

Крыкова Д.Д. Средства распространения арбитражного соглашения на третьих лиц: краткий обзор и перспективы применения // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 6А. С. 64-74. DOI: 10.34670/AR.2021.36.18.009

Ключевые слова

Арбитраж, соглашение, третьи лица, перспективы, применение.

Введение

Согласно последним исследованиям, арбитраж является наиболее востребованным способом разрешения споров, вытекающих из международных коммерческих связей. Кроме того, число многосторонних споров в арбитраже растет [Степанова, 2016], а сами такие споры имеют тенденцию к усложнению. Вследствие этого изначальное разбирательство двух лиц зачастую перерастает во многосторонний процесс. В данной связи очевидной становится необходимость развития механизмов многостороннего арбитража, в особенности связанных с привлечением третьих лиц в процесс.

Привлечение третьих лиц играет особую роль в арбитражных разбирательствах, поскольку данный институт [Данилевич, Рак, 2015]:

- предоставляет участникам гражданского оборота дополнительную возможность защиты своих прав;
- является средством обеспечения правовой определенности;
- способствует уточнению фактической стороны рассматриваемых дел;
- реализует принцип процессуальной экономии.

Тем не менее, вопрос отнесения третьего лица к сторонам арбитражного соглашения стоит довольно остро [Данилевич, Рак, 2015] и тесно связан с другой проблемой – согласием на арбитраж.

Основная часть

Согласие сторон – основополагающий момент арбитража [Born, 2021], который является вопросом «согласия, а не принуждения» [Bharucha, Jaisingh, Gupta, 2016]. Исходя из этого и происходит закрепление требования о соблюдении письменной формы арбитражного соглашения как в правовых источниках международного уровня, так и на уровне национальных нормативно-правовых актов. В связи с тем, что в соответствии с устоявшимся пониманием письменной формы она не ограничена подписанием бумажного документа, те или иные действия лиц можно отнести к выражению волеизъявления, направленного на заключение арбитражного соглашения.

К первой группе следует отнести так называемые классические или традиционные средства, которые базируются на наиболее известных институтах договорного права, известных всем юрисдикциям. К таким инструментам относятся инкорпорация арбитражной оговорки, доктрины гарантии, агентирования и предположения, правопреемство, а также пролонгация в отношении третьего лица-бенефициара. Все эти средства объединяет общая черта – нацеленность на выявление согласия на арбитраж лица, не являющегося стороной арбитражного соглашения, пусть и не выраженного прямо.

Их специфика заключается в широком распространении практически во всех правовых порядках, что обуславливает положительное отношение к ним со стороны арбитражей и государственных судов. В связи с этим не возникает особых проблем с их признанием, а также приведением в исполнение арбитражных решений, основывающихся на применении традиционных доктрин.

Эстоппель – это разноплановый правовой институт, берущий начало из англо-американской доктрины права справедливости. Ввиду многообразия проявлений эстоппеля в праве

существует большое количество подходов к его пониманию. Тем не менее, можно выделить обобщенное его определение: «препятствие предъявлению претензии или права, которые противоречат тому, что было сделано или сказано до, или было законодательно установлено в качестве истинного» [Petrylaite, 2004].

В романо-германской правовой семье институт эстоппеля наиболее ярко проявляется в содержании принципа добросовестности. В качестве основной цели эстоппеля выделяется предотвращение процессуальных злоупотреблений, а также поддержка стороны, соблюдающей требования добросовестности [Сорокин, 2016].

Использование института эстоппеля в арбитражной практике может быть обусловлено двумя причинами:

- 1) Необходимость установления запрета оспаривания компетенции арбитража;
- 2) Необходимость принудить лицо к участию в арбитражном разбирательстве.

Поскольку доктрина эстоппеля базируется на объективных фактах, вывод о согласии стороны на арбитражное разбирательство может делаться из ее поведения [Hanotiau, 2006]. Тем не менее, для целей российской правоприменительной практики необходимо произвести дифференциацию эстоппеля и конклюдентных действий.

ВАС РФ установил, что возможно признание компетенции государственного суда лицом при помощи совершения им конклюдентных действий. Это соотносится с понятием компетентного суда как в международно-правовом, так и в национальном понимании. Такое признание ведет к потере права на возражение касательно подсудности спора [Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации №1649/13 от 23 апреля 2012 г.].

Таким образом, суд трактует конклюдентные действия как волевые действия стороны, характеризующиеся некой целью. Эстоппель представляется как «побочный эффект» возможности стороны пользоваться процессуальными правами. Выходит, что процессуальным правам корреспондируют также и процессуальные обязанности.

По американскому праву доктрина эстоппеля применяется для целей распространения арбитражного соглашения в следующих случаях:

- 1) В случае, если заявленным подписантом требования предполагают наличие договора в письменной форме, инкорпорировавшего арбитражную оговорку;
- 2) При заявлении подписавшей стороны о согласованном неправомерном поведении неподписанта и подписавшей стороны [Bamforth, 2008].

В качестве наглядных примеров судебной практики, где применяется доктрина эстоппеля, можно привести дело *Hughes Masonry Co v. Greater Clark County School Building Corp.*

Для начала кратко обрисуем фактические обстоятельства дела. Истцом был заключен договор оказания услуг с компанией-консультантом. Параллельно был заключен договор с подрядчиком. Условия договора подразумевали представление фирмы Clark консультирующей компанией, которая обязуется к тому же выполнять некоторые действия, связанные с контролем над подрядчиком. В договор была включена арбитражная оговорка.

Исходя из нарушения подрядчиком договора, компания приняла решение о его расторжении. Кроме того, компания обратилась в арбитраж для того, чтобы взыскать убытки, причиненные ей нарушением договора.

Ответной мерой со стороны подрядчика явилось обращение в суд с целью получения запрета на разрешение дела посредством арбитража. В качестве аргумента подрядчик обратил

внимание на то, консультирующая компания, которую подрядчик хотел привлечь в качестве соответчика, не являлась подписантом арбитражного соглашения. Расторжение договора, по мнению подрядчика, было связано в том числе и с нарушением обязанностей со стороны компании-консультанта.

Однако в скором времени консультирующая компания согласилась с рассмотрением спора в арбитраже. В связи с этим между тремя сторонами было заключено арбитражное соглашение. Однако подрядчик настаивал на невозможности арбитража в связи с тем, что компания-консультант не являлась изначально стороной арбитражной оговорки.

Суд, разрешая дело, применил принцип эстоппеля и отклонил данный аргумент подрядчика, поскольку из создания таким образом противоречий он пытался извлечь выгоду. Суд указал на несправедливость утверждений подрядчика о том, что компания-консультант должна нести договорную ответственность при очевидном факте уклонения его от арбитража в связи с тем, что на соответчика не распространяется арбитражная оговорка. Нельзя одновременно пользоваться преимуществами договора, избегая при этом ответственности, ссылаясь на формальную невозможность привлечения к арбитражному разбирательству [Hanotiau, 2006].

На основании данного примера закономерно можно прийти к выводу об эффективности правового института эстоппеля в вопросах распространения арбитражного соглашения. Несмотря на то, что своим происхождением эстоппель обязан семье англо-американского права, широкое применение данному институту находится и в романо-германской правовой семье. Его активная имплементация допускает более частое применение в судебно-арбитражной практике без рисков в отношении признания и приведения в исполнение решения арбитража в иных государствах.

Снятие корпоративной вуали

Следующее средство распространения оговорки, которое будет рассмотрено в рамках настоящей работы – это механизм, носящий за рубежом название «piercing the corporate veil». Суть этой доктрины можно охарактеризовать следующим образом: «снятие корпоративного покрыва — это не норма, а исключение из общего правила о самостоятельности и независимости юридического лица, в том числе и от своих участников (членов). Оно оправдано в ограниченном количестве случаев, когда подконтрольная организационно-правовая структура используется контролирующим лицом в качестве инструмента для реализации своих собственных интересов без учета интересов зависимого субъекта» [Ломакин, 2012].

Применение доктрины обосновано в случаях, когда «корпоративный покров» выступает средством прикрытия фактического выгодоприобретателя по сделке. Это может иметь место, когда предпринимаются попытки обхода закона или если были совершены мошеннические действия, в результате которых был причинен вред.

При такого рода обстоятельствах вопрос согласия стороны играет второстепенную роль. В таких ситуациях привлечение третьего лица к разбирательству обусловлено целями восстановления нарушенных прав и принципами справедливости [Hanotiau, 2006].

Доктрина снятия корпоративной вуали необходима, когда требуется привлечь к разбирательству посредством арбитража материнскую компанию или лицо, осуществляющее функции управления. В качестве хрестоматийного примера можно привести дело *Orri v. Societe des Lubrifiants Elf Aquitaine*.

В данном деле суд произвел срыв корпоративных покровов и расширил действие арбитражной оговорки на неподписанта в связи с совершением им мошенничества: лицо использовало несколько подконтрольных компаний, не являющихся сторонами арбитражного соглашения, что позволяло избегать выплат кредиторам по долгам.

В контексте обстоятельств дела суд воспринял неподписание арбитражного соглашения подконтрольными компаниями как простую формальность, из-за которой происходит несправедливое невыполнение обязательств апеллянтом. Кроме того, суд обращал особое внимание на его роль в принятии решений в данной цепочке компаний [Bharucha, Jaishigh, Gupta, 2016].

Таким образом, основанием данной доктрины является отказ от обособления компании и ее владельцев, в связи с чем на последних возлагается ответственность.

Иначе говоря, снятие корпоративной вуали представляет собой определенное изъятие из того принципа, когда юридическое лицо воспринимается как самостоятельный участник оборота, обладающий собственной правосубъектностью, и вследствие чего (по общему правилу) участники не должны отвечать за его действия (равно как и в противоположной ситуации – юридическое лицо не ответственно перед третьими лицами за своих участников), который в некоторых трудах именуется принципом отделения [Гутников, 2018].

Таким образом, первоначально доктрина срыва корпоративных покровов служила механизмом возложения ответственности на владельцев корпораций, однако со временем стало возможно ее применение в вопросах распространения арбитражной оговорки на неподписантов.

Обращает на себя внимание отсутствие общей теории снятия корпоративных покровов в принципе, в связи с чем в каждой правовой системе предпосылки и правовые последствия применения данной доктрины разнятся [Voser, 2009].

Тем не менее, даже на примерах различных государств можно выделить некоторые общие черты, характерные для применения данной доктрины. Самая главная – это ограниченность ситуаций, при которых ее применение оправдано. Для большинства правовых систем это мошенничество или злоупотребление правом, в том числе и для Швейцарии.

Швейцарская судебная практика установила следующее правило: создание корпоративной сети только для ухода от требований кредиторов или с целью избежать выполнения договорных обязательств уравнивает компанию и владельцев, в связи с чем на последних распространяет свое действие арбитражное соглашение.

Хотя в американском праве давно выработан классический тест, предполагающий трехэтапное доказывание определенных обстоятельств, в зависимости от конкретных фактов его применение может быть нивелировано в пользу однофакторного теста – в частности, если нарушение носит «вопиющий» характер [Быканов, 2014].

Суды прибегают к такому варианту развития в том случае, если использования традиционного инструмента в виде трехступенчатого теста сопряжено с несоразмерными трудностями при выяснении обстоятельств, подлежащих доказыванию, необходимых для применения классического теста.

Суд приходит к выводу о возможности квалификации деяния как «вопиющего» в том случае, если в процессе его совершения произошло нарушение так называемого «принципа разделения» (вполне коррелирующим с нашим «принципом отделения») в игнорирование концепции *separate legal entity* [Srivastava, www...].

Иными словами, нарушение является «вопиющим», если в ходе него произошло смешение

правосубъектности корпорации и лица, ответственного за управление ею, которое выражается, в числе прочего, и в виде смешения их имущественной массы. К такому выводу можно прийти, если налицо отсутствие обособления имущества корпорации с целью его персонификации, «отрыва» от человеческого субстрата.

В российской практике доктрина снятия корпоративной вуали тоже применяется довольно широко, однако ее применение возможно только в случае частноправовых отношений между корпорацией и ее учредителями, а также корпорациями, составляющими одну группу (но никак не между публично-правовыми субъектами).

В гражданском обороте зачастую случаются следующие казусы: дочерняя компания осуществляет формальное подписание арбитражного соглашения своим именем. Фактически же ее действия продиктованы контролем материнской компании, который осуществлялся при заключении сделки.

Примером может выступать известное дело *Bridas S.A.P.I.C. v. Government of Turkmenistan*. В рамках данного дела должностное лицо было признано подпадающим под арбитражную оговорку. В качестве аргументации судом приводилось единство интересов лица, подписавшегося от имени корпорации, и физического лица, что нивелировало необходимость разделения личностей. Кроме того, суд настаивал на том, что дальнейшее использование данной фикции означало бы потворство мошенничеству.

Среди всех существующих теорий самой противоречивой и неоднозначной считается доктрина группы компаний. Свое начало она берет в 1970-х годах во Франции, где была создана судьями, желавшими расширить перечень лиц, давших согласие на заключение арбитражного соглашения [Voser, 2009]. В 1980-х годах она обрела мировую известность благодаря делу *Dow Chemical*.

В данном деле трибунал указал, что «... арбитражная оговорка, явно принятая некоторыми компаниями группы, должна связывать также другие компании, которые в силу своей роли в заключении или исполнении договора, содержащего арбитражное соглашение, могут признаваться настоящими сторонами, потому что они должны были быть обеспокоены таким договором и спорами, которые могут из него возникнуть».

Примечательно, что данная доктрина не находит поддержки у швейцарских судей. Аналогичным образом суды в Германии пренебрегают теорией группы компаний, охотнее используя традиционные договорные теории, когда в качестве стороны разбирательства привлекаются участники холдинга. Исключения не делается даже в тех случаях, когда в переговорах или при исполнении договора принимали участие дочерние компании организации.

В этой связи особый интерес представляет практика российских арбитражных судов. Приведем пример дела, связанного с участием немецкой стороны, где суд пришел к выводу о том, что можно распространить действие арбитражной оговорки не только на стороны по договору, в котором она содержится. Под арбитражную оговорку подпадают также аффилированные лица при условии одобрения договора и их причастности к нарушению его положений.

Исходные данные следующие: немецкий гражданин, владеющий российскими компаниями, заключил с рядом немецких компаний одного холдинга Соглашение об урегулировании взаимных претензий, которое было подчинен немецкому праву и содержало оговорку о разрешении всех споров посредством арбитража.

Гражданин Германии подал иск в третейский суд с требованием возмещения ущерба в связи

с нарушением условий Соглашения. Истец в качестве ответчиков указал немецкие компании, которые являлись сторонами Соглашения, и их материнские компании, директоров и руководителей холдингов. Третейский суд удовлетворил иск ко всем ответчикам.

Судебные инстанции России отказали ответчикам, которые формально являются стороной соглашения по урегулированию спора, в отмене арбитражного решения. На основании положений Соглашения, которое было подписано между компаниями, судами были приняты решения о том, что их действие распространяется на весь холдинг. Кроме того, на стороны была возложена ответственность за признание окончательного характера Соглашения со стороны членов холдинга [Андреев, Глушенков, Рыков, Черешнев, www...].

Ф. Прозоров-Бастианс, один из ведущих немецких специалистов в сфере арбитража сделал следующий комментарий по данному делу: «По немецкому праву арбитражная оговорка, как и иные договоры, обязывает только лишь их стороны. К исключениям из этого правила не относятся ни директор компании-подписанта, ни аффилированные компании».

В попытках очертить пределы арбитражного соглашения при необходимости распространения оговорки на юридическое лицо, не являющееся подписантом, английские суды основывают свои решения на традиционных договорных теориях. Примером может служить дело *Peterson Farms*, разрешая которое суд указал на отсутствие доктрины группы компаний в правовой системе Англии [*Peterson Farms Inc. v. C&M Farming Ltd.*, 2004].

Ранее судами США применялся прагматичный и либеральный подход при рассмотрении дел, связанных с распространением арбитражного соглашения, в связи с чем применение данной доктрины признавалось допустимым. Тем не менее, впоследствии суды США стали склоняться в пользу подхода, требующего наличия согласия лиц на связанность их арбитражной оговоркой.

Рабочая группа ЮНСИТРАЛ установила критерии применения доктрины группы компаний при отсутствии письменной формы арбитражного соглашения:

Корпорация, на которую требуется распространить оговорку, представляет собой часть группы компаний, составляющих одну экономическую единицу;

Данные корпорации принимали активное участие во всех этапах заключения сделки, а также в ее исполнении;

Все стороны разбирательства признали компанию стороной арбитражного соглашения.

Однако иные правовые порядки не спешат признавать данную доктрину, поэтому она не получила такого широкого распространения в судебно-арбитражной практике. Игнорирование принципа обособленности юридических лиц, а также основополагающих требований к согласию на арбитражное разбирательство послужили причиной тому, что доктрина не обрела особой популярности во многих юрисдикциях.

По мнению некоторых исследователей, доктрина снятия корпоративной вуали может помочь отойти от чересчур формального подхода при рассмотрении дел. Для распространения на корпорацию арбитражной оговорки еще недостаточно факта ее вхождения в группу компаний – ее согласие решающим фактором в вопросе компетенции арбитража [Voser, 2009].

Заключение

Институт привлечения третьих лиц в арбитраж представляет особый интерес в силу возрастания количества и сложности многосторонних арбитражных разбирательств. Его развитие и распространение могло бы послужить целям защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота, обеспечения правовой определенности, надлежащего установления фактических обстоятельств, реализации принципа процессуальной экономии.

Арбитражное соглашение, представляя собой один из основных способов выражения согласия на арбитраж, играет особую роль в вопросах признания юрисдикции арбитража. В связи с этим как международное, так и национальное нормативно-правовое регулирование исходит из необходимости письменной формы арбитражного соглашения.

Понимание письменной формы арбитражного соглашения как бумажного документа, подписанного сторонами, в настоящий момент не отвечает сложившимся реалиям. Следовательно, те или иные действия лиц можно отнести к выражению волеизъявления, направленного на заключение арбитражного соглашения.

По этой причине и возможно признание лица связанным арбитражной оговоркой и привлечение его в качестве участника арбитражного разбирательства несмотря на формальное отсутствие его подписи. Несмотря на всю дискуссионность института привлечения третьего лица к арбитражу, необходимость его распространения вытекает из объективных причин. Для реализации целей арбитражного разбирательства арбитрам все чаще приходится анализировать обстоятельства дела на предмет возможности привлечь к арбитражному соглашению его неподписантов.

Средства привлечения третьих лиц к арбитражному соглашению, носящие название классических или традиционных, обозначены именно таким образом по причине того, что они основаны на наиболее распространенных договорных механизмах, находящих применение в различных правовых системах.

В отдельную группу следует выделять теории, базирующиеся на принципе справедливости и применяемых в ее целях в отличие от классических теорий, направленных на установление согласия стороны, выраженного косвенно. В данную категорию входят доктрины эстоппеля, снятия корпоративной вуали и группы компаний.

Следует отметить некоторую ограниченность в применении такого рода теорий обусловленную рядом причин.

Во-первых, такая ограниченность обусловлена разнообразием подходов к применению таких доктрин разными государствами. В отличие от «классических» теорий они основываются не на общепринятых институтах договорного права, что приводит к отсутствию унификации в их применении.

Во-вторых, поскольку основная цель, по которой арбитры прибегают к использованию данных доктрины – это восстановления справедливости, согласие стороны не принимается в расчет. Однако отсутствие учета волеизъявления сторон должно базироваться на серьезных поводах. Поэтому обращение к таким доктринам допускается только в ограниченном числе ситуаций, что должно исключить произвольное их применение.

В-третьих, принятие составом арбитража решений, основываясь на доктринах «неподписантов» сопряжено с некоторыми рисками, связанными с вышеназванными причинами. Различия правовых систем и отсутствие учета воли сторон может стать поводом для отказа в признании и принудительном исполнении арбитражного решения.

Оценивая перспективы признания и приведения в исполнение арбитражных решений, вынесенных на основании доктрин эстоппеля и снятия корпоративной вуали, можно дать хорошие прогнозы.

Тем не менее, в отношении арбитражных решений на основе доктрины «группы компаний» ситуация будет скорее прямо противоположная. Очень вероятно, что такие решения будут признаваться только в правопорядке-основателе доктрины, ибо еще со времен появления данной доктрины она является объектом постоянных дискуссий со стороны специалистов.

Библиография

1. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации №1649/13 от 23 апреля 2012 г. // СПС Консультант Плюс
2. Определение ВАС РФ от 23.12.2013 N ВАС-16126/13 по делу N А40-41781/13–69–197 // СПС Консультант Плюс.; Определение ФАС Московского округа от 07.10.2013 N Ф05-9027/2013 по делу N А40-41781/13- 69-197 // СПС Консультант Плюс.
3. Постановление АС Московского округа от 05.11.2020 по делу № А40-264409/2019
4. *Bridas S.A.P.I.C. v Government of Turkmenistan* 345 F.3d 347 (5th Cir. 2003)
5. *Dow Chemical France v. Isover Saint Gobain*. Interim Award of Sept. 23, 1982 in No. 4131 // *Journal du Droit International*. 1983. 110, p. 906.
6. *Hughes Masonry Co v. Greater Clark County School Building Corp.* 659 F.2d 836 (7th Cir. 1981)
7. *Löwe v. Mazzetta et al.* Swiss Federal Supreme Court, 8 June 1982.
8. *Merill Lynch Investment Managers v. Optibase, Ltd.*, 337 F.3d 125 (2d Cir. 2003); *InterGen N.V. v. Grina*, 344 F.3d 134 (1st Cir. 2003); *Sarhank Group v. Oracle Corp.*, 404 F.3d 657 (2d Cir. 2005).
9. *Orri v Societe des Lubrifiants Elf Aquitaine*, Cour de cassation, First Civil Chamber, 11 June 1991 (France).
10. *Peterson Farms Inc. v. C&M Farming Ltd.* [2004].
11. UN Commission on International Trade Law, Report of the Secretary General on Possible Uniform Rules on Certain Issues Concerning Settlement of Commercial Disputes: conciliation, interim measures of protection, written form for arbitration agreement. 2000, p. 5.
12. Быканов Д. Д. Снятие корпоративной вуали по праву США, Нидерландов и России // Закон. 2014. № 7, с. 71–73.
13. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. №3 (255), с. 39–48.
14. Данилевич А. С., Рак О. А. Понятие и виды процессуального соучастия в международном коммерческом арбитраже // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сборник научных трудов. Выпуск 7. Минск. 2015, с. 115.
15. Ломакин Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9, с. 32.
16. Сорокин А. И. Процессуальный эстоппель // Международный научно-исследовательский журнал. № 38.
17. Сорокин А. И. Эстоппель и преюдиция // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 45.
18. Степанова К. С. Привлечение третьего лица к участию в международном коммерческом арбитраже // Право и управление. XXI век. 2016. № 1 (38).
19. *Bamforth R. [et al.] Joining non-signatories to an arbitration* // *Dispute Resolution*. 2008. 2, p. 10.
20. *Bharucha M., Jaisingh S., Gupta S. The Extension of Arbitration Agreements to Non-Signatories – A Global Perspective* // *Indian Journal of Arbitration Law*. 2016. 5 (1), p. 39
21. *Blumberg, P. et al. Blumberg on Corporate Groups*, 2nd Edition. Books. 7. 2005.
22. *Hanotiau B. Complex Arbitrations: Multiparty, Multicontract, Multi-Issue and Class Actions*. The Hague: Kluwer Law International. 2006.
23. *Petrylaite R. Can the doctrine of equitable estoppel be applied against a government?* // *International Journal of Baltic Law*. 2004. 2, p. 99.
24. *Poudret J.-F., Besson S. Comparative Law of International Arbitration*. London: Sweet & Maxwell, 2007, p. 452.
25. *Vandekerckhove, K. Piercing the corporate veil*. European Company Law series, 1. Kluwer Law International. 2007.
26. *Voser N. Multi-party Disputes and Joinder of Third Parties* // 50 Years of the New York Convention: ICCA International Arbitration Conference. The Hague: Kluwer Law International. 2009.
27. Андреев Д., Глушенков Б., Рыков В., Черешнев А. СМС-извещения и наследство в третейских судах // Обзор практики по вопросам арбитража за IV квартал 2020 года // *Zakon.ru* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zakon.ru/discussion/2021/3/26/sms-izvescheniya_i_nasledstvo_v_tretejskih_sudah__obzor_praktiki_po_voprosam_arbitrazha_za_iv_kvarta (дата обращения 27.03.2021).
28. Как арбитраж привлек третьих лиц в ответчики // *Pravo.ru* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/227111/> (дата обращения: 09.03.2021).
29. *Srivastava V. The Concept of Separate Legal Entity in light of Corporations*. RMLNLU. [Online]. Available from: <https://www.lawctopus.com/academike/concept-separate-legal-entity-light-corporations/> (Accessed 25th February 2021).
30. *White&Case; Queen Mary University of London*. 2021. International Arbitration Survey. [Online]. Available from: <http://www.arbitration.qmul.ac.uk/research/2021-international-arbitration-survey/> (Accessed: 31st March 2021).

Non-traditional means of extending an arbitration agreement to third parties: a brief overview and prospects for application

Diana D. Krykova

Student,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76 ave. Vernadsky, Moscow, Russian Federation;
e-mail: dianakrykova@gmail.com

Abstract

Thus, there are cases in practice when a person is bound by an arbitration agreement despite the formal absence of his signature, as a result of which it becomes possible to involve him as a participant in the arbitration proceedings. In order to facilitate the involvement of third parties in the arbitration process, a whole set of tools has been developed in the legal doctrine, judicial and arbitration practice, with the help of which it is possible to extend the arbitration agreement to those who did not sign it. In order not to get lost in all the variety of ways to attract third parties to an arbitration agreement, it makes sense to make an attempt to classify them. The most logical division seems to be into two conditional groups. In contrast to traditional means, special mechanisms developed by judicial and arbitration practice and doctrine are highlighted. These include estoppel, the doctrine of removing the corporate veil, and the doctrine of the group of companies. Their application is conditioned by the restoration of the rights of the injured party for the purposes of justice, for which the arbitrators resort to involving third parties in arbitration against their consent. This is their main difference from the classical doctrines, which are aimed at finding the consent of the party. In the case of non-traditional means of extending the arbitration clause to third parties, it is permissible to ignore the will of the party. Next, we will focus in more detail on their general characteristics, specifics and application prospects.

For citation

Krykova D.D. (2021) Sredstva rasprostraneniya arbitrazhnogo soglasheniya na tret'ikh lits: kratkii obzor i perspektivy primeneniya [Non-traditional means of extending an arbitration agreement to third parties: a brief overview and prospects for application]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (6A), pp. 64-74. DOI: 10.34670/AR.2021.36.18.009

Keywords

Arbitration, agreement, third parties, prospects, application.

References

1. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 1649/13 of April 23, 2012 // SPS Consultant Plus
2. The definition of the SAC of the Russian Federation of 23.12.2013 N in the SAC-16126/13 in the case A40 N-41781/13-69-197 // SPS Consultant Plus.; Determination of the FAS of the Moscow District from 07.10.2013 according to N F05-9027/2013 in the case A40 N-41781/13- 69-197 // SPS Consultant Plus.

3. Resolution of the Moscow District Administrative Court of 05.11.2020 on case no. A40-264409/2019
4. *Bridas S. A. Pl. C. v Government of Turkmenistan* 345 F. 3d 347 (5th quarter of 2003)
5. *Dow Chemical France vs. Isover Saint-Gobain*. Interim decision of September 23, 1982 in No. 4131 // *Journal du Droit International*. 1983. 110, p. 906.
6. *Hughes Masonry Co v. Greater Clark County School, Construction Corporation* 659 F. 2d 836 (7th District, 1981)
7. *Levet v. Mazzetta et al.* Federal Supreme Court of Switzerland, June 8, 1982.
8. *Investment Managers Merill Lynch v. Optibase, Ltd.*, 337 F. 3d 125 (2d Cir. 2003); *InterGen N. V. v. Green*, 344 F. 3d 134 (1st Cir. 2003); *Sarhank Group v. Oracle Corp.*, 404 F. 3d 657 (2d Cir. 2005).
9. *Orry v. Society of Greasers of Aquitaine*, Court of Cassation, First Civil Chamber, 11 June 1991 (France).
10. *Peterson Farms Inc. v. C&M Farming Ltd.* [2004].
11. United Nations Commission on International Trade Law, Report of the Secretary-General on possible Uniform Rules on certain issues related to the settlement of commercial disputes: conciliation, interim measures, written form of an arbitration agreement. 2000, p. 5.
12. *Bykanov D. D. Removing the corporate veil according to the law of the USA, the Netherlands and Russia* // *Law*. 2014. No. 7, pp. 71-73.
13. *Gutnikov O. V. Corporate responsibility in the civil law of Russia* // *Journal of Russian Law*. 2018. No. 3 (255), pp. 39-48.
14. *Danilevich A. S., Rak O. A. The concept and types of procedural complicity in international commercial arbitration* // *Actual problems of international public and international private law: a collection of scientific papers. Issue 7*. Minsk. 2015, p. 115.
15. *Lomakin D. V. The concept of removing the corporate cover: the implementation of its main provisions in the current legislation and the draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation* // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2012. No. 9, p. 32.
16. *Sorokin A. I. Procedural estoppel* // *International Scientific Research Journal*. No. 38.
17. *Sorokin A. I. Estoppel and prejudice* // *International Scientific Research Journal*. 2016. № 45.
18. *Stepanova K. S. Attracting a third party to participate in international commercial arbitration* // *Law and Management. XXI century*. 2016. № 1 (38).
19. *Bamfort R. [et al.] Joining the parties that have not signed the agreement to arbitration* // *Dispute resolution*. 2008. 2, p. 10.
20. *Bharuha M., Jaisingh S., Gupta S. Extension of arbitration agreements to countries that have not signed them-A global perspective* // *Indian Journal of Arbitration Law*. 2016. 5 (1), p. 39
21. *Bloomberg P. and all the others. Bloomberg on Corporate Groups*, 2nd edition. Books. 7. 2005.
22. *Hanotiau B. Complex arbitration proceedings: Multiparty, Multi-contract, Multi-variant and Class actions*. The Hague: Kluwer International Law, 2006.
23. *Petrilite R. Can the doctrine of fair estoppel be applied against the government?* // *International Journal of Baltic Law*. 2004. 2, p. 99.
24. *Pudret J.-F., Besson S. Comparative law of international arbitration*. London: Sweet & Maxwell, 2007, p. 452.
25. *Vandekerckhov, K. Penetration through the corporate veil. Series of laws on European companies, 1*. Kluwer Law International. 2007.
26. *Voser N. Multilateral disputes and combining the efforts of third parties* // *50 years of the New York Convention: ICCA International Arbitration Conference*. The Hague: Kluwer International Law. 2009.
27. *Andreev D., Glushenkov B., Rykov V., Chereshev A. SMS notifications and inheritance in arbitration courts* // *Review of practice on arbitration issues for the IV quarter of 2020* // *Zakon.ru* [Electronic resource]. Access mode: https://zakon.ru/discussion/2021/3/26/sms-izvescheniya_i_nasledstvo_v_trejskih_sudah__obzor_praktiki_po_voprosam_arbitrazha_za_iv_kvarta (accessed 27.03.2021).
28. *How the arbitration attracted third parties as defendants* // *Право.ги* [Electronic resource]. Access mode: <https://pravo.ru/story/227111/> (accessed: 09.03.2021).
29. *Srivastava B. The concept of a Separate legal entity in the light of Corporations*. RMLNLU. [Online]. Available at: <https://www.lawctopus.com/academike/concept-separate-legal-entity-light-corporations/> (Accessed February 25, 2021).
30. *White and Case; Queen Mary University of London, 2021. Review of international arbitration*. [Online]. Available at: <http://www.arbitration.qmul.ac.uk/research/2021-international-arbitration-survey/> (Accessed March 31, 2021).